

Л.Н. Назарова, Э.Э. Найдич

«Как часто, пестрою толпою окружен»

«Как часто, пестрою толпою окружен...» (1840) — одно из самых значительных стихотворений Лермонтова, по своему обличительному пафосу близкое к «Смерти поэта». Творческая история стихотворения доныне является предметом не утихающих споров между исследователями. Стихотворение имеет эпиграф «1-е января», указывающий на его связь с новогодним балом. По традиционной версии П. Висковатого, ссылавшегося на устные рассказы А.А. Краевского и В.А. Соллогуба, это был маскарад в Дворянском собрании, где Лермонтов якобы нарушил этикет: он дерзко ответил «двум сестрам» в голубом и розовом домино, задевшем его «словом»; положение этих «сестер» в обществе было известно (намек на принадлежность их к царской фамилии). Обратить внимание на поведение Лермонтова в этот момент оказалось неудобным: «это значило бы предавать гласности то, что прошло незамеченным для большинства публики. Но когда в “Отечественных записках” появилось стихотворение “Первое января”, многие выражения в нем показались непозволительными». И.С. Тургенев в «Литературных и житейских воспоминаниях» (1869) утверждал, что сам видел Лермонтова в маскараде Дворянского собрания «под новый 1840 год», и привел в этой связи пренебрежительные строки о балльных красавицах из стихотворения «Как часто, пестрою толпою окружен...»

В настоящее время установлено, что в Дворянском собрании не было новогоднего маскарада. Это как будто бы превращает сообщение Висковатого в легенду. Высказывалось предположение, что выходка Лермонтова все же имела место, но задолго до его новогоднего стихотворения и относилась она не к царским дочерям, как это считалось раньше, а к императрице; именно к январю и февралю 1839 относятся ее посещения маскарадов в Дворянском собрании, где под маской она «интриговала» близких друзей Лермонтова. В эти же дни она интересовалась ненапечатанными стихами Лермонтова, которые ей доставляли те же маскарадные партнеры — В.А. Соллогуб, В.А. Перовский, прочитавший ей «Демона» по рукописи 9 февраля 1839. Возможно, что глухие рассказы о маскарадных происшествиях в 1839 и впечатления от новогоднего стихотворения 1840 слились в памяти современников в один эпизод. По другому предположению, стихотворение относилось к маскараду в ночь с 1-го на 2-е января 1840 в Большом Каменном театре, где присутствовали император и наследник. Реальные основы версии о биографическом источнике стихотворения подлежат дальнейшей проверке. Не вызывает, однако, сомнений, что опубликование стихотворения в «Отечественных записках» повлекло за собой новые гонения на Лермонтова.

Значение стихотворения не сводится только к обличению «большого света». Оно глубоко и многозначно. Тема маскарада здесь, так же, как в драме Лермонтова, символична. Речь идет не просто о бале, а о бездушии и фальши светского общества. Обнаруживается парадокс: то, что непосредственно окружает поэта, оказывается призрачным, видимым «как будто бы сквозь сон», и, напротив, воображаемое прошлое оказывается подлинной реальностью, описанной точным, вещественно-предметным языком: «И вижу я себя ребенком; и кругом / Родные все места: высокий барский дом / И сад с разрушенной теплицей». Таким образом, стихотворение рисует две действительности: окружающую и воображаемую, ту, которая близка природным началам и вводится в стихотворение через мотив мечты, приобретающий особое значение:

И странная тоска теснит уж грудь мою;
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей создание
С глазами, полными лазурного огня...

Юношеская романтическая тема вспыхивает у Лермонтова с новой силой; противоречие между «мечтой» и действительностью решается в пользу «мечты», утраченной идиллии детства, и вызывает вспышку энергии, желание бросить «в глаза» веселящемуся светскому обществу «железный стих, облитый горечью и злостью».

В исследовательской литературе обращалось внимание на особенности художественной структуры стихотворения, сочетающего в себе лирическое и сатирическое начала (подобно «Смерти поэта», «Думе» и др.). В жанровом отношении стихотворение имеет черты сходства с сатирами и «ямбами», характерными, в частности, для франц. поэзии (А. Шенье, О. Барбье, Н. Ж. Жильбер; ср. в сатире последнего «Моя апология»: «Непримиримому врагу вам подобных, мне хочется хлестнуть жестким стихом этих сегодняшних господ»). Лирическая тема в стихотворении отчасти опирается на элегическую традицию. Предметность пейзажных описаний сочетается с таинственным и неопределенным зрительным воплощением «мечты», предстающей поэту в женском облике; Лермонтов прибегает здесь к эмоциональным эпитетам и метафорам («С глазами, полными лазурного огня», «с улыбкой розовой»), что давало некоторым исследователям основание говорить о своеобразном лермонтовском «импрессионизме». Метафорические эпитеты иного эмоционального качества характерны и для сатирической части стихотворения; так, эпитет «железный» в применении к стиху стал у Лермонтова символическим образом поэзии-оружия, поэтической инвективы и в этом качестве был воспринят последующей литературной традицией.